

Высоты Волковых: третье приШЕСТвие

ПО ПРИМЕРУ ОТЦА КОНСТАНТИН ВОЛКОВ ПОЛЮБИЛ ПРЫЖКИ С ШЕСТОМ, ЗАВОЕВЫВАЛ НАГРАДЫ САМЫХ ПРЕСТИЖНЫХ ТУРНИРОВ, ПОБЕЖДАЛ ЛЕГЕНДАРНОГО СЕРГЕЯ БУБКУ, А СТАВ ТРЕНЕРОМ, УЧИТ СВОЕГО СЫНА ПОКОРЯТЬ ШЕСТИМЕТРОВЫЕ ВЫСОТЫ.

ФИБЕРГЛАСС ДЛЯ СИБИРСКОГО ТАРЗАНА

— Константин, может показаться лубопытным совпадением, но сегодняшнего лидера в вашей дисциплине двукратного олимпийского чемпиона Армана (Мондо) Дюплантиса тоже тренирует собственный отец. Налицо очередное подтверждение законов генетики?

— Если у человека фамилия Кузнецов, можно предположить, что у него в роду были кузнецы, верно? Считаю, абсолютно естественно, что в том или ином виде деятельности существуют династии, скажем, спортивные или актерские. У тех же Ефремовых, по-моему, уже правнуки Олега Николаевича готовятся выходить на сцену или сниматься. Ничего особенного в этом нет.

— Вы говорили, что определяющим фактором высоких результатов в прыжках с шестом является скорость разбега, и ваш Матвей в спринте показывает приблизительно одно время с нынешним рекордсменом мира. Это действительно так?

— Да. Это важнейший показатель. Причем формально личный рекорд Матвея на стометровке выше, чем показал Дюплантис в его возрасте. Пишут, что у Армана в конце разбега скорость достигает 38 км/ч, у остальных его соперников — порядка 34–35. Это элементарный закон физики: чем лучше разогнаешься горизонтально, тем выше взлетаешь вертикально. Все остальное уже называется как бы коэффициентом полезного действия или чистой техникой.

— А разве акробатическая подготовка не имеет значения?

— Есть прыгуны с шестом, которые даже сальто не могут сделать, однако показывают хорошие результаты. Акробатическая подготовка — дополнительный фактор, который «весит», условно говоря, доли процента в общем успехе. Та же Елена Исинбаева до 10 лет занималась гимнастикой, но из-за сравнительно высокого роста вынуждена была переключиться на прыжки с шестом, и полученные навыки ей только помогли. У мужчин я таких случаев не припомню.

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА

Константин Волков — легкоатлет (прыгун с шестом). Заслуженный мастер спорта СССР.

Серебряный призер летних Олимпийских игр 1980 года, вице-чемпион мира (1983), чемпион Европы (1980), вице-чемпион Европы (1979, 1982). Тренировался под руководством отца Юрия Николаевича Волкова, мастера спорта международного класса, заслуженного тренера СССР.

Перейдя на тренерскую работу, Константин Волков подготовил несколько членов сборной России. Летом 2020 года вместе с сыном Матвеем Волковым, мировым рекордсменом в прыжках с шестом среди юношей, переехал из России в Беларусь.

— Династия Волковых началась с вашего отца Юрия Николаевича. Правда ли, что он загорелся в детстве экзотическим по тем временам увлечением, посмотрев «Тарзана»?

— Американский фильм «Тарзан» был после войны передан по ленд-лизу в Советский Союз, и его тогда смотрели все, в том числе мой отец, в ту пору мальчишка. Причем в главной роли там снялся знаменитый пловец Джонни Вайсмюллер, а головокружительные прыжки в качестве дублера исполнял мировой рекордсмен шестовик Корнелиус Вармердам. Отец вдохновился этим зрелищем, а поскольку жил в Иркутске неподалеку от городского стадиона, познакомился там с Людмилой Федоровной Сизовой, в то время директором техникума физкультуры и большим энтузиастом спорта, которая стала ему помогать, хотя сама об этом виде спорта имела смутное представление.

Кроме того, он приобрел выпущенную в 1950-х годах книгу Николая Озолина «Прыжки с шестом» и стал по ней учиться, а Сизова ему содействовала как мог-

ла, с ее подачи для спортсменов были закуплены первые американские фиберглассовые шесты, благодаря чему ему удалось улучшить свой результат с 420 см до олимпийского норматива 460 см. Его пригласили на работу в Донецк. После переезда туда он стал бронзовым призером Спартакиады народов СССР — это достаточно высокий показатель. А в 1974-м году вернулся в Иркутск, начал тренировать прыгунов с шестом, создал собственную систему тренировок и подготовил нескольких известных спортсменов, членов сборной Союза, в том числе меня.

— А каким, извините, ветром его потом заносило в Австралию, Мексику, США?

— Ну это уже были ветры перестройки, 1990-е годы. Специалисты тогда устраивались где и как могли. В Австралии он неплохо поработал и пригласил туда, в частности, Сашу Парнова, который остался там и подготовил олимпийского чемпиона 2008 года Стива Хукера и действующую олимпийскую чемпионку Нину Кеннеди. Уехал с зеленого континента в 1997 году, так как ему запретили работать по профессии.

— За что?

— За то, что он русский. (Смеется.) Руководство института спорта в Перте, где он работал, организовало скандал по надуманным обвинениям с дальнейшей травлей в СМИ и возбуждением уголовного дела, и он вынужден был уехать из Австралии. Даже с таким замечательным специалистом настолько бесцеремонно обошлись. Хотя австралийское гражданство у него осталось.

ДОГНАТЬ И ПЕРЕГНАТЬ ДЮПЛАНТИСА

— Вы еще мальчишкой с Юрием Николаевичем ходили на тренировки и лет в 6 взяли в руки шест?

— Наверное, в 7. Отец брал меня с собой, и мне тоже очень захотелось попробовать. В качестве шеста, правда, мы, пацаны, использовали металлическую планку.

— Дети-спортсмены зачастую безрассудно отважны. Вспомним, к примеру, феноменальные трюки Ольги Корбут и других советских гуттаперчевых малышей. А вам не было страшно взлетать на такую высоту и падать с нее или, может, чувство опасности появилось с возрастом?

— Нет. Оно никогда не приходило. Тренировался себе и тренировался, высота постепенно увеличивалась, и я воспринимал это как должное. Взять, к примеру, тех же прыгунов в воду или фристайлистов: им ведь не страшно.

— В 1979 году вы выиграли Спартакиаду народов СССР, если не ошибаюсь, преодолев планку на 555 см. Кто были вашими основными конкурентами?

— Ленинградец Володя Трофименко, чемпион Европы предыдущего года, стал 2-м, а третий результат показал финн Анти Каллиомяки, серебряный

призер Олимпиады-1976. Наши соревнования тогда сделали открытыми, допустив к участию зарубежных спортсменов, в том числе американцев. Дело в том, что спартакиада проходила накануне Олимпийских игр в Москве, на том же стадионе, и стала хорошей прикидкой для будущих участников.

— Можно ли считать, что на летние Игры-1980 в Москве приехали все сильнейшие в вашем виде, ведь США и некоторые другие страны отказались в них участвовать?

— Естественно, сильнейшие, коль скоро на них обновили мировой рекорд. Если вы имеете в виду американцев, они были сильны, но не находились на первых ролях, на матчах СССР — США в 1979–1981 годах мы в поединках шестовиков их обыгрывали, причем, условно говоря, со счетом 2:0. Лидерами в нашем виде в ту пору считались поляки и французы. Они в итоге и спорили вместе со мной на Играх в Москве за медали.

— Золото, как известно, взял поляк Владислав Козакевич, а вы с его земляком Тадеушем Слюсарским, показав одинаковый результат 565 см, получили серебряные награды. Бронзу, выходит, не вручали никому?

— Никому. Козакевич выиграл с мировым рекордом 5,78 и явно при помощи сильнодействующих веществ. Ну а допинг-контроль проводился формально, ни одной положительной пробы никто не обнаружил. Хотя, если бы англичанина Себастьяна Коу, пробежавшего свои 1500 м с результатом, который и сейчас мало кто может повторить, прихватили бы тогда, не был бы он сегодня, наверное, руководителем World Athletics (Международной федерации легкой атлетики) и не вставлял бы нам и россиянам палки в колеса.

Хотя наш вид, как и легкоатлетическое многоборье, один из немногих, где допинг мало на что влияет. Нам не нужны большие мышцы или выдающиеся силовые показатели. В прыжках с шестом, повторюсь, решающее значение имеет скорость, а бежать стометровку за 10,5–10,6, как Матвей, могут многие.

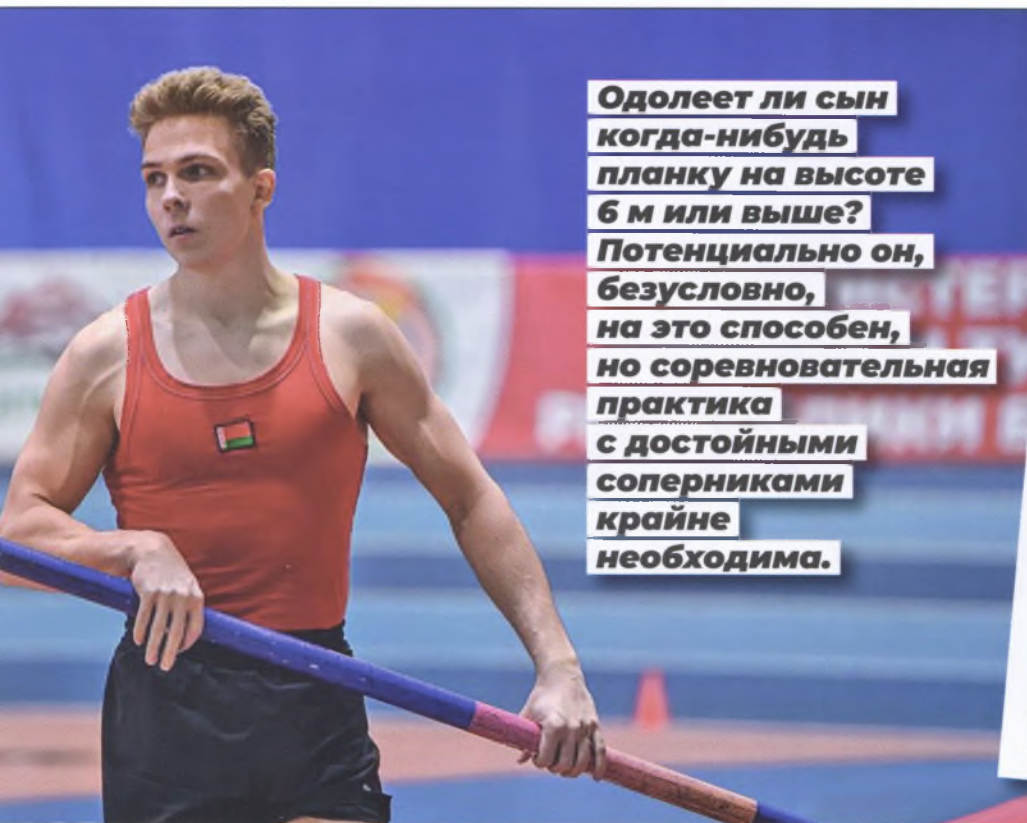

— И он, по вашим словам, мог бы уже сегодня составить конкуренцию Дюплантису?

— Физически у него все есть для этого, но, как вам известно, от международных стартов, от среды, где рождаются высокие результаты, нас сейчас отстранили, и Коу заявил, что не собирается смягчать свою позицию. Даже руководство МОК не настолько тенденциозно, в Олимпиаде и чемпионатах мира и Европы белорусские представители многих дисциплин участвуют. A World Athletics свою позицию менять отказывается. Оставаясь в изоляции и соревнуясь с соперниками намного слабее тебя, брать запредельные высоты очень сложно, практически невозможно.

— А какие тогда у вашего сына остаются мотивация или стимулы, что называется, рвать жилы, изо дня в день пахать через не могу на тренировках, не зная, удастся ли когда-нибудь принять участие в международном топ-турнире?

— Ищем скрытые резервы, внутренние стимулы. Борьба с самим собой, условно говоря. Это тоже нормально и для жизни полезно.

**Одолеет ли сын
когда-нибудь
планку на высоте
6 м или выше?
Потенциально он,
безусловно,
на это способен,
но соревновательная
практика
с достойными
соперниками
крайне
необходима.**

НЕ ВАЛЯЙ ДУРАКА, АМЕРИКА

— Вы завоевали олимпийскую медаль, причем первую для советских шестовиков, в 20 лет, а на фотографиях той поры выглядите еще более юным. Скромный паренек из далекого Иркутска, став всемирной знаменитостью, звездой спорта, не воспарил над землей, устоял перед соблазнами? — Я никогда не считал себя каким-то особенным, гордыней, слава богу, не болел. Даже если узнавали на улицах люди, меня это немного тяготило, тем более что ни в детстве, ни в юности в первых номерах или лидерах не ходил, выдающимися физическими качествами не выделялся, находились ребята и побыстрее, и посильнее. Отец мне тоже говорил, что мой удел — тренироваться и трудиться. Я прилежно пахал, хотя, как сейчас понимаю, делал много лишнего. Материальной пользы это не приносило, но укрепляло меня ментально, психологически усиливало. Ну вот тренировался-тренировался и чего-то добился.

— А когда вас выбрали депутатом Верховного Совета РСФСР, хлопот добавилось или вам отводилась роль свадебного генерала?

— Тогда в Советском Союзе депутатов не выбирали, а назначали, причем по номенклатурному принципу в выборный орган должны были попадать люди из разных социальных классов: столько-то рабочих, столько-то колхозников, ученых, женщин и т.п. В Рос-

сийской Федерации было, наверное, 450 избирательных округов, каждый из которых по размеру как четверть Иркутска или один из районов города, примерно 200 тысяч человек. От нашего Свердловского района обязательно требовалось выдвинуть одного студента, имеющего государственную награду. Я учился в железнодорожном институте, по этим признакам вроде бы подходил и стал депутатом. Ездил, выступал в трудовых коллективах, иногда приходилось отвечать на каверзные вопросы — в общем, спортивное начальство было мной вполне довольное.

— И видимо, с учетом вашего высококого общественного статуса вас убедили подписать письмо советских спортсменов с обоснованием отказа от участия в Олимпиаде в Лос-Анджелесе, дескать, организаторы не готовы обеспечить безопасность сборной СССР? — Нет. Я ничего подобного не подписывал, наоборот, возмущился, узнав, что мы туда не едем. История же была такая. После смерти Юрия Андропова, если помните, генеральным секретарем ЦК КПСС, а значит, главой государства стал Константин Черненко. А мы с Сергеем Бубкой в преддверии Олимпиады побывали в США, выступали на соревнованиях в нескольких залах и обыгрывали всех американцев, в том числе в Лос-Анджелесе, съездили на олимпийский стадион.

И вот накануне Игр-1984 председателем Всесоюзного спорткомитета Марата Грамова вызвал к себе Черненко и ска-

зал ему: «Если обойдете сборную США в командном зачете, то езжайте, а если проиграете — отвечаешь головой. Дашь гарантию?» Риск же состоял в том, что нашим спортивным руководителям не удалось согласовать стоянку у берегов Лос-Анджелеса советского корабля (как 4 года спустя в Сеуле), где разместилась бы наша медицинская лаборатория.

— Чтобы обезопасить спортсменов от возможных, как потом писали, провокаций?

— Скорее чтобы там заранее делать допинг-пробы и в случае чего не выставлять спортсмена, у которого тест окажется положительным, на соревнования и не допустить скандала. Естественно, победу Грамов гарантировать не решился и была придумана версия, что нас попытаются отравить газами в раздевалке или чего-то подсыпят в еду, и прочая чушь. На олимпийском собрании в Сочи, проходившем в мае, я выступил и стал доказывать, что это глупость, мы с Бубкой там уже побывали и уверены, что ничего подобного случиться не может. Но политическое решение уже было принято, а нас успокаивали тем, что вместо Олимпиады для тех стран, которые туда не поедут, организуются эрзац-игры под названием «Дружба»-84 с вручением таких же медалей и призовыми, как за предполагаемый успех в Лос-Анджелесе, попади мы туда. Я выступал категорически против бойкота и никогда своей позиции не скрывал, тем более запрещенными средствами никогда не пользовался. Но мой голос ничего не решал.

600 БУМАГ НА ПОДПИСЬ МИНИСТРУ

— «Дружбу»-84 вы в итоге выиграли, причем оставив на 2-м месте Бубку. Это стало хоть каким-то утешением за лишение возможности добыть еще одну, реальную, возможно, золотую олимпийскую медаль?

— Как сказать... Скорее нет, но ведь все равно мы сделать ничего не могли, решение приняли за нас. А в следующем году я уже практически простился с большим спортом из-за травмы, лечение которой требовало долгого времени. А Бубку я не раз обыгрывал, в том числе сразу после «Дружбы» на турнире в Потсдаме с таким же, как в Москве, результатом 5,80, причем погода и там, и там была препаршивейшая. Случайно-стью это не назовешь.

— Однако вслед за этим украинец выиграл Олимпиаду в Сеуле, десяток чемпионатов мира, включая 6 на стадионах и 4 в помещении, первым преодолел высоту 6 м, установил свыше 30 рекордов планеты. Были какие-то основания сомневаться в его «чистоте»?

— В любом случае Сергей, безусловно, великий атлет и вписал свое имя в историю спорта. Что касается оснований, даже если они есть, это слишком щекотливая тема. Не нами сказано: не пойман — не вор.

— Зачехлив, если так можно выразиться, шесть или повесив кроссовки на гвоздь, вы поработали министром спорта в своей Иркутской области. Понравилось вам, успели что-то полезное сделать?

— Успел, и очень многое, то есть занимался делом, а не перекладывал бумажки. Во-первых, у нас была очень хорошая спортивная база в живописном месте на Байкальском тракте, на водохранилище, которая оказалась заброшенной. По моей инициативе ее реанимировали, я даже 4 га «золотой» земли к ней сумел прирезать. Сейчас она работает, там готовят легкоатлетов. Потом под Ангарском был пионерский лагерь имени героев-космонавтов, принадлежавший, по-моему, электрохимическому комбинату. Они ее бросили, мы подобрали, добились финансирования и перевели туда городскую школу олимпийского резерва, ютившуюся в доми-

Наш вид, как и легкоатлетическое многоборье, один из немногих, где допинг мало на что влияет. Нам не нужны большие мышцы или выдающиеся силовые показатели. В прыжках с шестом решающее значение имеет скорость.

ках. Сейчас там целый спорткомплекс круглогодичного действия с корпусами, стадионом, общежитием, столовыми и т.д.

Или, например, в уникальном месте, в километре от Байкала, у нас находится биатлонная база, где всегда есть снег и можно тоже тренироваться круглый год. У меня был хороший контакт с тогдашним руководством федерации биатлона России, и они помогли поставить туда современное оборудование и т.п. Сделать я успел действительно немало. Однако работа это, прямо скажем, не самая благодарная: без выходов, на износ, в 7 утра встаешь и в 23 ложишься, просматриваешь и подписываешь до 600 бумаг в день. Вдобавок возникли кое-какие разногласия со спортивным начальством, и когда мой годовой контракт заканчивался, продлевать его я по обоюдному согласию с тогдашним губернатором не стал.

— После чего позанимались парусным спортом и бизнесом, затем по семейной традиции вернулись к тренерской профессии, выпестовали нескольких приличного уровня прыгунов и в итоге сосредоточились на подготовке сына Матвея. Как вы с ним оказались в Минске?

— Когда повсеместно, в том числе в России, началась свистопляска с коронавирусом, запретительными мерами, повязками, ваш Президент оказался одним из немногих политиков, трезво оценивших ситуацию и не поддавшихся панике. Даже чемпионат Беларуси по футболу не перестали проводить. (Улыбается.) Взвесив все за и против, мы с Матвеем поняли, что в Минске нам будет комфортнее тренироваться, переехали сюда в 2020-м, приняли белорусское гражданство и ни разу не пожалели об этом.

Сын выступает за сборную страны, показывает хорошие результаты на соревнованиях, куда его допускают в основном, конечно, в Беларуси и России. Условия для подготовки здесь отличные, для жизни тоже все есть. А тем, кто пытается раскатать лодку и мечтает сменить действующую власть, советовал бы посмотреть вокруг, на ту же Украину, где, к слову, конкретно в Донецке я прожил в детстве около 10 лет. Что там делается сейчас, тоже

знаю не понаслышке. Нужно ценить мир, спокойствие, достаток, которые у белорусов есть и никто не отнимет.

— Ваше личное официально зафиксированное достижение — 5,85 м, а на одном из тренировочных сборов в Сочи вы одолели 5,96. Матвей тоже уже прыгал на 5,85. А сможет при удачных сопутствующих обстоятельствах вас обогнать?

— Был бы только счастлив. Еще зимой 2020 года Матвей прыгнул на 5,50. Дюплантис в его возрасте показывал 5,29. Дальше начался ковид, антивирусные меры в стране зашкаливали, тренироваться нам не дали, сезон полностью выпал. Восстанавливать форму после такого простоя очень сложно. Это, к слову, было одним из факторов, триггером нашего переезда в Минск, где подобного не допустили.

Одолее ли сын когда-нибудь планку на высоте 6 м или выше? Потенциально он, безусловно, на это способен, но соревновательная практика с достойными соперниками крайне необходима. Матвей из тех спортсменов, кого вдохновляют зрители на трибуне, на кураже его не остановишь. Пока же имеем то, что имеем, но тренируемся с полной отдачей. Да он и неплохо учится в БГУФК на 4-м курсе, пишет диплом, не рассчитывая на поправки, читает серьезную литературу, развивается.

— А девушка, простите за нескромный вопрос, у него есть, он с кем-то встречается?

— Есть, и еще какая! Спортсменка, умница, красавица, неоднократный призер чемпионатов мира по синхронному плаванию Василина Хондошко. Они вместе живут, отдыхают, приходят к нам в гости. У нас с ее родителями хорошие отношения, семья очень приятная. А как у них дальше сложится, загадывать не стану. Люди взрослые, сами все решат. Всею свое время.

